

УДК 008:316

Н. Ф. Зюзев

К вопросу о субъектности в российской политической культуре

Российская политическая культура стала в последнее время объектом ряда исследований отечественных и зарубежных исследований. Однако эти работы, концентрируясь в основном на историческом прошлом страны, упускают из внимания драматические события последних нескольких десятилетий, в силу которых резко возросла роль сиюминутных факторов в политической и общественной жизни. По сути, сейчас в России происходит «реформатирование» политического менталитета нации. На данном отрезке времени этот процесс характеризуется кризисом «клиентелистского» типа мышления — транзитного состояния, которое, по-видимому, либо должно смениться балансом разных политических менталитетов, либо же вернуться к сугубо авторитарной модели.

Ключевые слова: политическая культура, Г. Алмонд, С. Верба, Д. Элазар, клиентелизм.

*Zyuzev N. F. To the Problem of Agency in the Russian Political Culture
Some aspects of the Russian political culture typically elude specialists' attention, among them its fast transitional nature. Because of the rapid and dramatic changes Russia has undergone in the past few decades, some new trends seem to be overshadowing its deeper historical background. What at the moment is happening in Russia can be called the process of «reformatting» the nation's political mentality. Now, to the front came the crises of the «clientalistic» attitude, though it appears to be a transitional state either to be replaced with a new balance of political mentalities or to fall back to the totalitarian pattern.*

Keywords: Political culture, G. Almond, S. Verba, D. Elazar, clientelism

1.

В последние два десятка лет появилось немало исследований политической культуры России — что вполне естественно, учитывая бурные политические события в стране, произошедшие за это вре-

мя. В своих работах специалисты пытаются дать картину политических установок российского населения в связи с историей страны и ее культурой в целом. Исходной точкой обычно служит классическая работа «Гражданская культура» Г. Алмонда и С. Вербы [1]. Как подчеркивают эти авторы, понятие «культура» используется ими только в одном из многих его значений: это психологическая ориентация по отношению к социальным объектам. Говоря о политической культуре общества, они подразумевают «политическую систему — то, как она интернализуется в когнитивных способностях, познаниях, ощущениях и оценках тех, кто его составляет» [1, с. 29]. В соответствии с этим принципом они выделяют три идеальных типа политической культуры: пахотильную, подданническую и партиципаторную, которые в политической реальности Соединенных Штатов сосуществуют в некоей форме «сдержек и противоречий», образующих то, что авторы назвали «гражданским обществом» (civic society).

Понятно, что прямые параллели между американскими и российскими реалиями вряд ли могут быть оправданными, и отечественные специалисты, вполне естественно, попытались найти оригинальные черты местной политической жизни. Что же определяет, по их мнению, индивидуальность российской политической сцены? Э. Баталов, например, выделяет как главную этатистскую ориентацию населения. «Государство воспринимается как нечто гораздо большее, нежели «ночной сторож» (идеал либералов), то есть чисто политический институт с ограниченными функциями и задачами. В России государство воспринимается как стеновой хребет цивилизации, гарант целостности и существования общества, устроитель жизни, в том числе экономической» [3, с. 17]. А. Ахиезер видит корни драматизма российской истории в неразрешенном конфликте между двумя формами сакральности в ней — языческой и христианской [2]. Ю. Пивоваров говорит об особом характере «Русской Власти» как системообразующей категории с ее особым отношением к собственности на землю — то, что автор называет «передельным» мышлением. «Похитив у населения субъектность, загнав 90 процентов подданных в крепостничество, использовав специфику природно-климатических условий и соответствующий ей тип экономики, Русская Власть способствовала становлению передельного социума, передельной социальности — не только передельной общины в дерев-

не, но и господства передельщины во всех социальных отношениях» [6, с. 38—39]. Появились также работы более конкретно ориентированные, акцентирующие текущие и локальные аспекты политической психологии российского населения [4, 5, 7, 8].

2.

Тем не менее при всей ценности этих трудов и сделанных в них наблюдений и выводов возникает ряд сомнений в безусловной правильности предложенного в них подхода.

Во-первых, когда речь идет о субъекте российской политической культуры, из дискуссии совершенно выпадает вопрос о преемственности данного субъекта. Обычно авторы не ставят под сомнение мысль о том, что сегодняшние россияне — это некое единое тело со свойственными ему политическими интересами и установками, корни которых лежат в многовековой национальной истории. Так ли это? Можно ли считать, что российский народ как политический агент ничем (или в основном) не отличается от советского народа, а тот, в свою очередь, от народа Российской Империи? Даже беглого взгляда достаточно, чтобы дать на эти вопросы негативный ответ. Взять, например, жесточайший «постимперский синдром», во многом определяющий состояние политических умов в России — это феномен, который попросту отсутствовал в сознании советского человека (понятно, что это «изнанка» имперского менталитета, но «генеалогия» в данном случае не отменяет того факта, что данное явление приводит к совершенно иного рода психологическим состояниям и последствиями). Теперь же это чуть ли не главный фактор, детерминирующий политические настроения большинства российской нации, что особенно резко проявилось в событиях вокруг восточно-украинского кризиса.

Если обратиться глубже к истории, то надо признать, что характерной чертой России является исключительная динамика общественной жизни, полная радикальных поворотов и переломов — чего стоили одни только петровские реформы. В течение же последнего столетия Россия прошла через несколько радикальных трансформаций идеологического характера. Политические устроения в разные эпохи — царскую, сталинскую, брежневскую, ельцинскую, современную — были настолько разными, что найти в них общую

составляющую представляется крайне сложным. Поэтому о политической культуре России нельзя говорить как о чем-то уже устоявшемся. Вдобавок иногда упускается из виду тот очевидный факт, что в 1991 г. образовалась совершенно новая страна, вдвое меньшая по населению, чем ее «предшественница», и резко отличающаяся от нее по этническому, религиозному и культурному составу. Скорее российская политическая культура находится в стадии становления, причем крайне бурного и противоречивого, и этот процесс еще далеко не закончен.

Во-вторых, отечественные исследования, ориентируясь на работы американских коллег, нередко пытаются автоматически применить на российском материале концепции, сформированные на совершенно иной культурной почве. Но если тем же понятием «гражданского общества» — без потери для смысла — можно оперировать, дискутируя политические проблемы не только в США, но и в Великобритании, Франции, Германии или даже, пусть и с некоторыми натяжками, в юных демократиях Чехии или Польши, то, когда автор применяет его, анализируя российскую действительность, он поневоле искажает сам смысл термина, а значит, и содержание проблемы.

3.

Ошибочность такого подхода особенно видна, когда теоретики трактуют российскую политическую культуру как нечто единое, где все индивидуальные субъекты в той или иной мере разделяют общие ценности. Это делается вольно или невольно, следуя практике популярных исследований в этой области. Так, Алмонд и Верба, говоря о трех типах политической культуры в Америке, тем не менее подчеркивают, что они существуют в единстве, формируя так называемое гражданское общество, в котором уравниваются и объединяются разные типы политического мышления. Д. Элазар также выделяет три типа политической культуры в США, но при этом делает оговорку, что американцы в то же время разделяют общую установку на принцип коммерции в самом широком смысле этого слова, и в этом плане отношение к миру как к рынку обеспечивает модель для общественных отношений в стране, образуя поле для компромисса [9, с. 14]. Ничего из этого мы не находим в российской действительности. Если здесь когда-либо и присутствовало «единомыслие», то

только под страхом политических репрессий. Даже «этатизм» (или патерналистская роль государства), о котором часто говорят как о характерной национальной черте, не выдерживает проверки фактами, так как отношение к государству в России всегда было крайне амбивалентным, колеблясь от преданности и доверия до глубокого презрения и даже ненависти. Что же касается согласия и компромиссов, без которых невозможен политический диалог, то Россия, в отличие от США, никогда не знала подобной практики (даже «демократическая» ельцинская эра 1990-х была отмечена расстрелом здания парламента, а сегодняшняя политическая жизнь — во всяком случае на поверхности — протекает как противостояние «патриотов» и «либералов»), в лучшем случае ограничиваясь имитационными формами «национального согласия».

Разорванность российского политического пространства (далее усиленного резкими региональными различиями), в отличие от единства американского политического менталитета, — это первый фактор, почему подходы к анализу отечественной реальности в сфере политической психологии должны быть иными. Америка не переживала ничего подобного тем катастрофическим потрясениям, через которые прошла Россия, — в политическом, экономическом, демографическом и мировоззренческом отношении. Даже американская революция и гражданская война не меняли сознание американцев радикальным образом, скорее лишь усиливая их понимание необходимости политического диалога, а не противопоставляя одну группу населения и одну идеологию другой. Но из этого следует, что и агент американской политической культуры также должен быть существенно иным, нежели его российский «коллега». И это второй фактор, почему автоматический перенос заокеанских моделей на российскую почву не работает.

Главным моментом здесь является уже упоминавшаяся демократическая практика диалога и поиска компромиссов, которая позволяет каждому избирателю быть реальным деятелем политического процесса. Соответственно, в таком процессе формируется ответственный политический актор, которому свойственны и чувство ответственности за свой выбор, и ощущение того, что его голос значим и весом. Это, собственно, и есть то, что мы определяем как «политический агент», то есть самостоятельный игрок на политическом

пространстве, независимо от его роли в политической иерархии — рядового избирателя или президента. В России ввиду отсутствия опыта демократической жизни для формирования подобного политического агента просто никогда не было возможности. А без наличия такого субъекта, строго говоря, у нас нет никаких оснований вообще применять понятие «политической культуры» — в том смысле, в каком оно употребляется в современной западной политической науке, — к российским реалиям.

В таком случае вместо вопроса о российской политической культуре (еще раз подчеркнем, что термин «политическая культура» употреблен здесь сугубо в том смысле, какой он имеет в современной западной социальной науке) возникает более общий вопрос: в каком плане следует рассматривать российский менталитет как таковой в отношении к политическим процессам и явлениям? Конечно, ответы здесь могут быть самыми разнообразными. Тем не менее можно выделить то общее настроение, с которым русский человек традиционно смотрел на власть, а затем показать, что происходит с этим настроением в настоящее время.

4.

Вероятно, следует обратить внимание на более общие черты в русском характере, которые, не будучи сами по себе политически ориентированными, тем не менее оказываются существенными при участии в политических событиях или при реакции на них.

Одно из наиболее типичных качеств психологического склада русского характера можно описать как автономно-минималистское. Корни этого лежат, вероятно, в крестьянском типе мышления, так как население в России традиционно обходится малым — отчасти в силу географических («зона неустойчивого земледелия»), отчасти в силу политико-экономических (отсутствие собственности на землю, неопределенность самого права собственности и т. д.) факторов. Советская эпоха только усилила эти тенденции, уничтожив частную собственность как таковую и вынудив миллионы советских людей обходиться скромной зарплатой и «питаться с дачи». Государство при этом исполняло роль патрона — но в ограниченной степени, например, обеспечивая каждого (низкооплачиваемой) работой и (минимальной) пенсией.

Термин «автономный» здесь уместен потому, что он находится где-то между двумя крайностями — «индивидуалистического» и «коллективистского». Традиционно к русскому менталитету принято применять термин «коллективистский», но он явно неточен, поскольку одним из качеств коллективистского мышления является способность к самоорганизации и активности в проведении коллективных акций. Ничего этого в русской жизни, характеризуемой скорее социальной пассивностью, мы не видим. Коллективизм ограничивается, пожалуй, способностью к взаимопомощи в трудной ситуации (механизм выживания, сформированный в ситуации перманентной скудости ресурсов), массовой податливостью к организационным инициативам государства или его информационно-пропагандистскому давлению, но не более. Как уже говорилось, само отношение к государству у русских крайне амбивалентно — от благоговения до ненависти. Дело в том, что русские смотрят на правительство как на нечто внешнее по отношению к себе (автономия здесь имеет двойной смысл: «власти не зависят от меня, но я могу обойтись без них»). Это как с погодой: «Я ничего не могу с ней поделать, но я могу затопить печку, если на улице мороз». Это некая стихия, которая может быть благосклонной («хорошее было лето, и мы сняли замечательный урожай») или неблагосклонной («дожди сгубили картошку в огороде») по отношению к человеку, а он, в свою очередь, волен осыпать ее похвалами или бранью.

5.

В последние несколько десятилетий, однако, эта психологическая установка подвергается переменам, ставшим следствием политических и экономических изменений в стране. Наиболее ярко эффект от этих перемен проявился зимой 2011—12 гг. во время массовых протестов с требованием честных выборов. Независимо от своего экономического положения или даже политических воззрений (как известно, там были и либеральные интернационалисты, и русские националисты) они сходились в одном: каждый человек имеет право на выбор. Иными словами, эти люди представляли собой новое явление в российской действительности — группу формирующихся политических агентов (точнее, лиц, настаивающих на своем праве быть политическими агентами).

Большинство населения тем не менее не поддержало акции протеста. Однако это не означает, что остальная часть российского населения пребывает в состоянии традиционного пассивного ожидания. С большинством также происходят существенные — возможно даже фундаментальные — перемены. Сегодняшнее состояние умов этой массы все более точно начинает подпадать под понятие «клиентелистского мышления».

Понятие клиентелизма обычно понимают как социальное явление, характеризующееся формированием отношений доминирования, господства и подчинения, зависимости и независимости по принципу патрон-клиентских. Большинство ученых подчеркивают, что в центре этого явления лежат «личностные, диадические отношения между индивидами — то есть между покровителем и брокерами высокого уровня, между брокерами высокого и более низкого уровней и, наконец, между брокерами и индивидуальными клиентами» [10, с. 291]. Элементом, общим для всех определений клиентелизма, является условная (если — то) или взаимно обязывающая природа обмена между покровителем и клиентом. Товар или услуга предоставляются (покровителем или клиентом) только в ответ на встречное действие другой стороны или твердое обещание сделать это [10, с. 291]. Примерами клиентелистских социоэкономических систем являются феодальная Европа, «а в современности — мафия и сложные системы патронажа, которые характеризуют политику перераспределения в большинстве развивающихся стран» [11, с. 10].

6.

Клиентелистские тенденции в России стали усиливаться еще в советские времена. Тогда разросся класс бюрократии с ее особым доступом к услугам и продуктам. Распространилась коррупция — также клиентелистская по своей сути система («блат» — яркий пример этого). «Нефтяные» деньги 1970-х гг. также поспособствовали усилению этой тенденции и росту народных ожиданий на получение благ от государства. Но настоящий прорыв случился в начале 2000-х гг. Нефтяной бум стал не единственной причиной небывалого избытка ресурсов у правительства. Не следует забывать и о резкой демографической трансформации, так как вследствие распада СССР в 1991 г. Российская Федерация теперь распределяла новое богатство сре-

ди населения, вдвое меньшего по сравнению с Советским Союзом. Реформы 1990-х гг. также начали давать эффект. Внезапно на россиян хлынули невиданные доселе блага. Подавляющее большинство населения в той или иной форме стало получателем своей доли от этих благ — приписывая свое благосостояние новому «эффективному» руководству страны.

Государство — сознательно или бессознательно — способствовало усилению клиентелистских чувств. Тотальная централизация экономической сферы привела к тому, что федеральное правительство «добросердечно» выделяет средства нуждающимся регионам — как это, очевидно, и должен делать патрон в ответ на лояльность клиента. Губернаторы заняты тем, что «выбивают» деньги из центра, чтобы залатать ту или иную «дыру» в местном бюджете. Даже сам факт, что страной правят «питерские», укрепляет в сознании понимание того, что клановая структура — это «нормальная» форма жизни.

В отдельных регионах России клиентелистские отношения имеют более глубокую традицию, чем в целом по стране, — на Северном Кавказе прежде всего. Тяжелое экономическое положение в этих республиках, особенно в Чечне, требует непрестанной экономической помощи — в обмен на лояльность. Все это происходит на глазах у всей страны и парадоксальным образом далее стимулирует клиентелистский менталитет, так как население остальной России видит в себе патронов, поддерживающих не заслуживающих того клиентов («Хватит кормить Кавказ!» — этот популистский лозунг опирается именно на такого рода чувства). Очевидно, что большинство россиян смотрят на кавказские республики как на потенциальных сепаратистов — а значит, как на нелояльных, неблагодарных клиентов.

Похожие же чувства россияне испытывают и ко многим бывшим советским республикам. Россия дотирует Белоруссию через льготные цены на газ и нефтепродукты — в обмен на лояльность, разумеется. То же самое происходило с Грузией — отсюда взрыв возмущения, когда эта страна попыталась вести самостоятельную политику. Еще более бурной была реакция населения на переориентацию Украины на ЕС — вплоть до восприятия этого в массовом сознании как прямого предательства. В этом заключается один из парадоксов мышления современных россиян: будучи сами в основном клиентами государства, они тем не менее рассматривают самих себя

как патронов в отношении окружающих их «республик-клиентов» и «стран-клиентов». Всеобщий восторг вызвало «приращение» национальной территории за счет Крыма. Дело здесь в том, что клиентелистский менталитет постоянно озабочен проблемой наличия достаточных ресурсов для поддержания своего существования — в России это прежде всего территория и полезные ископаемые. Отсюда проистекают гордость за «богатства страны», что понимается как ее природный потенциал, и постоянный страх, что кто-то хочет отнять «всю нашу нефть», — чувства, умело подогреваемые государственной пропагандой (расширение территории в этом отношении понимается не только как приращение ресурсов, но и как создание еще одного «буфера безопасности» от «алчных соседей»).

Вместе с тем, раз установившись, клиентелистская система обнаружила ряд «побочных эффектов», которые оказались крайне выгодными для властей в плане укрепления своей популярности и консолидации населения вокруг правящей группы. Например, характерной чертой клиентелистского мышления является особый тип эмоциональной связи между клиентом и патроном. Главным здесь является преданность, взаимная лояльность: клиента — патрону и патрона — клиенту. Это, естественно, отношения субординации, но в то же время это и глубоко личностные отношения, пропитанные нередко соответствующими эмоциями тепла и доверия. Персонализация существующего режима во многом протекала в русле именно этой парадигмы, выражаясь в беспрецедентном уровне поддержки нынешнего президента и его политики.

Этот моралистический аспект патрон-клиентелистских отношений еще более явно предстает в их противопоставлении коммерческому типу отношений. Бизнес строится на принципах партнерства, а не субординации: две стороны заключают сделку в силу того, что она приносит выгоду каждой из них, — и только поэтому. Эти отношения рациональны и прагматичны. Следует также помнить, что русское сознание в целом моралистично, и безличные коммерческие отношения, основанные на статьях контракта, всегда видятся ему как этически ущербные по сравнению с личностным подходом, теплом и щедростью патрон-клиентелистских отношений. Такая эмоциональная атмосфера создает удобную почву для манипулирования общественным сознанием, когда «высокодуховная» отечественная культу-

ра противопоставляется «циничной» культуре Западной цивилизации с ее «вседозволенностью» и «моральной безответственностью».

7.

Россия отнюдь не уникальна в этом отношении, являясь лишь частью более широкого международного тренда, сопровождающего процессы глобализации. Большинство экономических систем развивающихся стран являются комбинациями рыночной демократии с клиентелизмом. Но такое сочетание двух экономик вовсе не безобидно. «В этой смешанной экономике столкновение клиентелистской и рыночной культур может привести к нелиберальной и нестабильной демократии, военной диктатуре, государственной несостоятельности, межрелигиозному конфликту или какой-то комбинации всего этого — и к ожесточенному антиамериканизму вдобавок» [11, с. 15]. Происходит это следующим образом: когда эндогенные факторы приводят к интенсификации контрактного обмена, индивиды с глубоко укорененными клиентелистскими ценностями испытывают трудности с пониманием и принятием рыночных норм: «им кажется, что люди, движимые личным интересом, не только не имеют прочных социальных связей, но и не имеют никаких ценностей вообще» [11, с. 15]. На следующем этапе общество, претерпевающее экономическую трансформацию, может войти в стадию, где вовсе нет никакой общей культуры, то есть период, когда клиентелистские связи уже разорваны, а рыночные ценности еще не устоялись. Выгоду из этого состояния хаоса извлекают те группы (обычно неконкурентоспособные в новых рыночных условиях), которые начинают защищать собственные интересы, мобилизуя на свою сторону людей, наиболее пострадавших от новой экономической ситуации. Именно таким образом террористические организации рекрутируют сторонников и направляют их недовольство против рыночной экономики, символизируемой глобализацией, либерализмом и либеральными ценностями, Соединенными Штатами в конце концов.

В России же случилось нечто совершенно парадоксальное. После тяжелых 1990-х наступил период, когда, казалось, руководство страны, несмотря на некоторые ущемления демократических свобод, твердо и успешно двигалось рыночным курсом. Однако с самого начала новые власти начали строить клиентелистскую систему внутри

рыночной — чем, по сути, и явилась так называемая вертикаль власти. Распределение внезапно хлынувших нефтяных средств по этой вертикали довершило построение клиентелистской системы. Если на Ближнем Востоке традиционные патрон-клиентелистские отношения защищались маргинальными группами, находившимися, как правило, в отношениях резкого конфликта с официальными властями, то в России власти построили такую систему сами. А далее, раз возникнув, она стала вести себя строго в соответствии с ближневосточной моделью — нападая на «либерализм», «американский империализм» и утверждая превосходство отечественной «духовности» над «либеральными ценностями».

8.

Клиентелистская установка в современной политической культуре России является временным феноменом, но при этом на данном отрезке времени — одним из важнейших факторов, характеризующих политическую атмосферу в стране. Вместе с тем эта модель уже вступила в фазу жесткого кризиса, связанного с экономической рецессией. У государства попросту кончаются деньги для поддержания данной системы. Значит, население должно будет либо вернуться к привычному состоянию неучастия в реальной политике и пассивного ожидания «хорошей погоды», либо же — как «обманутый» клиент, чья лояльность осталась без вознаграждения, — присоединиться к требованиям меньшинства. Последнее могло бы устранить «разрывы» в политическом пространстве и на основе нового консенсуса привести в конечном счете к формированию населения как реального агента политической жизни. До тех пор, пока этого не случилось, вопрос о субъекте российской политической жизни — и его характере — остается открытым.

* * *

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014.

2. Ахиезер А. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et Contra. Т. 7. 2002. № 3. С. 51—76.

3. Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. Т. 7. 2002. № 3. С. 7—22.

4. Гудков Л. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе // Вестник общественного мнения. Т. 116, июль–декабрь 2013. № 3—4. С. 118—179,
5. Петров К. Е. Территория и нефть: К вопросу о легитимности российского государства // Полития. Т. 70. 2013. № 3. С. 106—118.
6. Пивоваров Ю. Русская политическая культура и political culture (Общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. Т. 7. 2002. № 3. С. 23—50.
7. Селезнева А. В. Политические ценности в современном российском массовом сознании: Психологический анализ // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С. 6—18.
8. Фурман Д. Движение по спирали: политическая система России в ряду других систем. М.: Весь мир, 2010.
9. Elazar D. «The American Cultural Matrix,» in The Ecology of American Political Culture, D. Elazar and J. Zikmund ed. New York: Crowell, 1975, pp. 13—42.
10. Hicken A. «Clientelism», Annual Review of Political Science, Vol. 14, pp. 289—310, 2011.
11. Mousseau M. «Market Civilization and Its Clash with Terror,» International Security, Vol. 27, No. 3, pp. 5—29, Winter, 2002—2003.